

УДК 94(571.1):355.72«1941/1945»

Ю. П. Горелов

ЗАХОРОНЕНИЯ УМЕРШИХ В ГОСПИТАЛЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1941–1945)

Статья посвящена захоронениям умерших от ран в госпиталях Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны и тем проблемам, которые существуют с воинскими кладбищами по сегодняшний день.

Ключевые слова: захоронения, госпиталь, Великая Отечественная война, Западная Сибирь.

Y. P. Gorelov

BURIAL OF THE DEAD IN HOSPITALS IN WEST SIBERIA (1941–1945)

The article is devoted to burial places of the deceased died from their wounds in hospitals in West Siberia during the Great Patriotic War and the problems with military cemeteries today.

Keywords: burial, hospital, The Great Patriotic war, West Siberia.

Вопрос о воинских потерях, в том числе и в тыловых госпиталях, является одним из слабо изученных в исторической науке. В годы войны 280 госпиталей разместились в Западной Сибири, каждый второй из них находился в Новосибирской области, каждый третий – в Кузбассе [4, с. 117–119].

В этих учреждениях не всех возвращали к жизни, были случаи смертей из-за тяжелых неизлечимых ран и болезней. По мнению генерала Е. И. Смирнова, профессора А. А. Васильева и других, в лазаретах из-за слабой подготовки патологоанатомов не-

достаточно занимались анализом причин смерти [2].

Просчеты этой службы особенно остро сказались в 1941–1942 годах – в наиболее тяжелый период Великой Отечественной войны. Неразбериха с захоронениями заставила начальника Главного санитарного управления Красной армии, дивизионного врача Е. И. Смирнова 26 сентября 1941 года издать строгий циркуляр, в котором санитарным начальникам всех военных округов было рекомендовано немедленно навести порядок в учете умерших бойцов [8]. При-

нял свои меры и Наркомздрав СССР: в распоряжении от 25 ноября 1941 года медикам было рекомендовано производить вскрытие трупов, на научных конференциях разбирать причины смерти, при госпиталях свыше 1 тыс. мест иметь отдельные патологоанатомические кабинеты, куда при отсутствии своих специалистов привлекать совместителей из гражданской сети [9].

Значительную работу в этом направлении проводили в Новосибирске и Томске профессор В. М. Константинов и доцент И. В. Тараповцев. В г. Мариинске – врач райздрава А. А. Козьмин, начальник госпиталя № 1230, генерал-майор медицинской службы А. Г. Кючарианц, в г. Анжеро-Судженске – профессор госпиталя № 1245 Ф. М. Супаницкая [4, с. 89; 15, с. 40–41].

Война 1914–1918 годов показала, что нужно ждать большого количества терапевтических болезней, но никак не хирургических ранений и смертей. Однако из-за огромного количества средств уничтожения, представленных новейшими образцами артиллерии, стрелкового оружия, массы танков и авиации и т. д., мало кто воевал более 2–3 лет. Как правило, через 2–3 месяца боец был ранен или убит [7]. Причины смертности людей показывает табл. 1.

Таблица 1

**Основные причины смертности
в госпиталях [3, с. 339]**

Классификация ранений	Годы		
	1942	1943	1944
Проникающее ранение грудной клетки	12 %	5 %	3,8 %
Ранение бедра с повреждением кости	5,6 %	-	1,8 %
Ранение тазобедренного сустава	16,2 %	7,6 %	2,6 %
Ранение коленного сустава	6,7 %	2,2 %	0,6 %
Аноэробические инфекции	37,2 %	32 %	21,6 %

Из таблицы следует, что высокую смертность давали аноэробические инфекции. От них в 1942 году погибал каждый третий боец, на втором месте были ранения с повреждением костей нижних конечностей. От них умирал каждый пятый. На третьем шли проникающие ранения грудной клетки. От них погибал каждый десятый.

В конце войны основной причиной смерти оставались аноэробические инфекции, практически все бойцы, раненные в грудную клетку и нижние конечности, были живы. Неплохих результатов добились терапевтические госпитали. Смертность от туберкулеза, сердечно-сосудистых, желудочных заболеваний там снизили на 25 % [3, с. 337–339].

За все время боевых действий медицинские работники оказали помощь более чем 17 млн человек, в строй для продолжения военной службы они возвратили 73 % раненых [10], тогда как в лазаретах дореволюционной России начала XX века возврат в боевые части составлял менее 50 %, а смертность доходила до 12 % [1, с. 70].

Свой вклад в лечение бойцов внесли и сибирские медики. Только Новосибирская область за годы войны пропустила через свои учреждения более 250 тыс. раненых, что составило 54 % эвакуированных в восточные районы страны. Их возврат на фронт достигал 51 %, в запас – около 20 %, уволенных из армии – 30 %, умерших до 1 % [11].

Более высокая смертность в Сибири, как показывают документы совещаний начальников отделов эвакогоспиталей Наркомздрава РСФСР, объясняется приемом в госпитали, особенно в 1944-м году, тяжелораненых пациентов. Только в Новосибирск из госпиталей, перемещенных за Урал, поступило 2 тыс. инвалидов [6]. Если таких раненых в 1941-м году было 40 %, то в 1945-м году их в Западной Сибири стало 70 % [21]. Эти данные подтверждают и основные показатели лечебной работы в табл. 2.

Таблица 2

**Основные показатели лечебной работы
эвакогоспиталей Западной Сибири [4, с. 116]**

Показатели	Годы	
	1941	1945
Возврат раненых в армию	86 %	33 %
Уволено раненых в запас	13 %	67 %
Число проведенных койкодней	35	96
Носилочных раненых	18 %	49 %
Из расчета на 100 человек		
Операций	12	43
Переливаний крови	3	22
Физиопроцедур	16	23
Рентгенографий	31	43
Рентгеноскопий	57	93
Лабораторных анализов	2	5

Из таблицы видно, что в конце войны срок пребывания бойцов в госпиталях увеличился в три раза. В четыре раза больше делается операций, увеличивается в 1,5 раза количество физиопроцедур, растут и другие показатели.

Вместе с тем, половина из всех раненых – это бойцы-ампутанты, которые сами не могли передвигаться, часть их после неоднократных сложных операций просто не выживали. Вот почему ежемесячно медики Западной Сибири переживали горечь невозможных утрат. Медперсоналу вместе с местными советами приходилось регулярно заниматься сложным делом по организации похорон. По инструкциям народного комиссариата обороны умерших хоронили в братских могилах шириной 2 м и глубиной 1,5 м. Трупы укладывали на дно траншеи на 0,5 м друг от друга. Между траншеями оставляли проход 1 м. Место могилы отмечали столбом

с прикрепленной жестяной дощечкой, на которой масляной краской писали порядковый номер. По номеру регистрировали могилу в кладбищенских книгах и органах НКВД [9].

Вместе с тем, из-за слабого учета, плохой организации похорон, из-за ненужной секретности, которая окружала смерть бойца, в Западной Сибири уже после войны исчезли ряд воинских могил в Кемерове, Новосибирске, Новокузнецке, Ленинск-Кузнецком, Тайге, Прокопьевске, Осинниках, Киселевске и других городах. Особенно там, где захоронения делались не на центральных кладбищах, а в ближайших к госпиталям удобных местах, которые вскоре после войны попали под застройку городов и поселков. Вот почему многие бойцы, скончавшиеся в госпиталях, и до сегодняшнего дня считаются пропавшими без вести.

Первоначальный облик сохранившихся кладбищ Западной Сибири в Омске, Новокузнецке, Томске, Барнауле, Новосибирске, Прокопьевске, Анжеро-Судженске, Мариинске, Кемерове, где покоится прах более 2,5 тыс. бойцов, изменены проведенной после войны реконструкцией. В благоустройстве кладбищ приняли участие работники военкоматов, общественных и церковных организаций, промышленных предприятий и учебных заведений. На их средства художниками, архитекторами, скульптурами: в Томске – В. Р. Новиковым, Н. К. Яковлевым; в Новокузнецке – А. И. Брагиным, В. Ф. Казаковым; в Барнауле – Н. Н. Первушиным, Б. П. Храбрых; в Новосибирске – Г. В. Гавриловым, В. Е. Семеновым и другими – были подготовлены новые проекты оформления могил. Завезенные к местам захоронений кирпич, бетон, мрамор, металл заменили ветхие надмогильные столбики.

Все захоронения после проведенной реконструкции делятся на три типа. Первый – рядом с могилами установлены усеченные каменные пирамиды (кладбища Мариинска,

Сафоновское – Прокопьевска, Рудника – Кемерово). Второй – центры кладбищ подняты искусственными каменными стилобатами и на них установлены центральные скульптуры мемориалов (кладбища Барнаула, Редаковское – Новокузнецка, сквер ДК Строителей – Новосибирска, Южное – Томска). Третий – прямоугольные центры кладбищ разбиты прямо на земле и отмечены основными частями монументов (кладбища: Старое – Барнаула, Буферное – Прокопьевска, Зельцевское – Новосибирска). Для всех типов основные видовые части памятников представлены в большинстве случаев скульптурами скорбящих матерей, воинов, траурными знаменами, на пьедесталах стандартные надписи типа «Вечная память защитникам Родины 1941–1945-го годов» и высеченные в большинстве случаев неполные списки умерших от ран. Рядом с ними, как правило, укреплены металлические звезды с вечным огнем. Вокруг центра кладбищ размещены земляные траншеи с могилами, на которых уложены надгробные плиты (в Томске установлены каменные стелы) с выбитыми инициалами умерших воинов.

В настоящее время бетон и кирпич на воинских захоронениях постепенно рассыпаются, поэтому современные мемориалы нуждаются в ежегодном ремонте и благоустройстве. Кроме того, часть их находится на отдаленных участках кладбищ, куда необходимо проделать доступные тропинки [24].

Необходимо учитывать и использовать опыт благоустройства воинских кладбищ, который был в дореволюционной России. За них отвечали отдельные попечительские комитеты, членами которых были русские аристократы, церковные иерархи, отечественные предприниматели, высокопоставленные военные и другие известные стране лица [5, с. 192–193]. Например, стремясь упорядочить дело похорон, Министерство внут-

ренних дел и Александровский комитет попечительства о раненых, по настоянию царя, в начале октября 1914-го года во все сибирские думы обратились с предложением: умерших защитников Родины хоронить на специальных участках кладбищ. Места захоронений благоустраивать часовнями, воинскими монументами, решетчатыми ограждениями. В приходских церквях устанавливать мемориальные доски с именами погибших [23].

Первыми на такой призыв откликнулись земские организации. По всей стране они организовали сборы пожертвований. Осенью 1914-го года в Петрограде (на Преображенском кладбище), а также в Москве (в с. Всевятском) на эти средства открылись воинские кладбища на 10 тыс. могил. Покровительство над захоронениями взяла женская половина императорской семьи. Столичное духовенство строило здесь каплицы, устанавливало неугасимые лампы, заносило имена воинов в поминальные синодики [13]. Одними из первых это патриотическое начинание в Сибири поддержали гласные городские думы Новониколаевска, которые в феврале 1915-го года постановили: умерших от ран хоронить на специальной площадке местного кладбища с обязательной установкой на ней особого воинского мемориала. В состав учредителей вошли крупные предприниматели и торговцы Н. А. Туркин (председатель), Ф. Д. Маштаков, А. И. Винокуров и другие. Среди сибирских верующих также появляются организации по благоустройству таких кладбищ [16, 17, с. 93, 97; 19, с. 245].

Особенно эта работа оживилась весной 1915-го года с началом деятельности общества памяти погибших воинов русской армии. Председателем правления новой организации стал генерал-адъютант, член Госсовета, один из лучших русских военачальников Н. В. Рузский, а его членами стали не менее известные люди, среди них: начальник

штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексеев, управляющий делами Александровского комитета, генерал П. А. Смородский; митрополит Петроградский и Ладожский Питирим; действительный статский советник, профессор Императорской академии художеств В. В. Матэ и другие – всего около 30 человек. Вскоре, благодаря этому обществу и его сибирским отделениям,

воинские кладбища и мемориалы стали создаваться в Омске, Барнауле, Иркутске, Чите и других городах [12, 14, 20, л. 22].

Таким образом, воинские кладбища не только сохраняют память о героических защитниках Родины, но и являются ценным историческим источником, который свидетельствует о наличии в Западной Сибири в годы войны крупной госпитальной базы.

Литература

1. Баранов М. И. Оборона СССР и здравоохранение. – М.: Госмедиздат, 1933. – 85 с.
2. Васильев А. А. Обзор патологоанатомической и судебно-медицинской работы в Красной армии за время боевой операции с белофиннами // Труды военно-медицинской академии. – Л., 1940. – Т. XXVIII. – С. 200–203.
3. Воскресенский С. Н. Врачебные кадры госпиталей Наркомздрава РСФСР: дис. ... канд. мед. наук. – М., 1947. – 434 с.
4. Горелов Ю. П. Памятники Великой Отечественной войны 1941–1945-го годов в Кемеровской области: эвакогоспитали и захоронения. – Кемерово, 2000. – 120 с.
5. Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. – Кемерово, 2003. – 385 с.
6. ГАРФ (Государ. архив Рос. Федерации). Ф. 482. Оп. 47. Д. 2186. Л. 154.
7. ГАРФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 2186. Л. Л. 99, 106.
8. ГАНО (Государст. архив Новосиб. обл.). Ф. 29. Оп. 2. Д. 2. Л. 23.
9. ГАНО. Ф. 29. Оп. 2. Д. 2. Л. Л. 82–83, 87.
10. ГАНО. Ф. 29. Оп. 2. Д. 3. Л. 21.
11. ГАНО. Ф. 4. Оп. 129. Д. 2. Л. Л. 170–176.
12. ГАИО (Государст. архив Иркутск. обл.). Ф. 32. Оп. 4. Д. 241. Л. 3.
13. ГАЧО (Государст. архив Читинск. обл.). Ф. 1. Оп. 1. Д. 17425. Л. 1–2.
14. ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1742. Л. 6.
15. Камнева Т. Г. Роль кафедры патологоанатомической анатомии в развитии прозекторского дела в г. Томске // История медицины Сибири: тез. докл. – Томск, 1955. – С. 40–41.
16. Надь Ф. К. К истории старых некрополей Омска // Страницы исторического прошлого Омска XIX – начала XX века: краевед. сб. – Омск, 1994. – С. 126–137.
17. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. – Новосибирск: ВО «Наука», Сиб. издат. фирма, 1993. – 472 с.
18. Очерки истории советской военной медицины. – Л.: Медицина, 1968. – 526 с.
19. Романов С. М. Летопись города Иркутска за 1902–1924. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. – 544 с.
20. РГВИА (Рос. госуд. воен. истор. архив). Ф. 970. Оп. 3. Д. 2096. Л. 4–5.
21. Суханов Н. В. Опыт работы эвакогоспиталей Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал. – 1979. – № 5. – С. 71–72.
22. Устав Всероссийского общества памяти воинов русской армии, павших в войну 1914–1915-го годов с Германией, Австрией, Турцией. – Петроград: Гостипография, 1916. – 22 с.
23. Хроника // Жизнь Алтая. – 1914. – 9 дек.
24. Экспедиционные материалы Ю. П. Горелова.